

Т. П. Коськина

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТОРЖЕСТВА И ТРИУМФЫ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Среди военных, административных и прочих реформ Петра Великого была и «реформа веселья». Современники преобразователя это понимали, но потомство забыло, ибо забыло о принципиальной разнице между ролью смеха в культуре православного средневековья и в культуре новой России. В старой Руси праздник (разумеется, церковный) был мало совместим, с точки зрения официальной идеологии, с весельем, особенно с простонародными его формами. Дело в том, что в русском православии действовал запрет на смех и веселье. Это было буквальное толкование евангельской заповеди: «Горе вам, смеющимся ныне, ибо восплачете и возрыдаете». Книжники средних веков ссылались на то, что в Писании Христос никогда не смеялся (это заметил еще Иоанн Златоуст, особенно почитавшийся на Руси). Именно поэтому «реформа веселья» была акцией первостепенной и для традиционной аудитории весьма болезненной. Самыми разнообразными средствами в петровское время русскому человеку внушалась новая для него мысль, что смех вовсе не греховен, что между смехом и «правдой» нет противоречия. Смеяться можно не только скоморохам и юродивым, смеяться можно всем. Мысль о «времени веселья» присуща всему петровскому царствованию. Петр и его сподвижники избирают амплуа «веселых людей». Это, конечно, касалось бытового поведения двора и дворянства. Но коль скоро веселый обиход выставлялся на всеобщее обозрение, то он воспринимался как культурное событие одной частью аудитории неодобрительно, другой – сочувственно. Для Петра во всех его «шумствах» не было ни Бога, ни черта. Набожный, любивший петь на клиросе, Петр утверждал «натуральное право» на веселье. По аналогии со знаменитым афоризмом теоретика «натурального права» Гуго Горация («Даже Бог не в силах сделать так, чтобы дважды два не равнялось четырем») Петр мог бы сказать: «Даже Бог не в силах сделать так, чтобы человек не веселился, ибо это противно его природе».

Остановимся немного на эстетическом оформлении празднеств и триумфов петровской эпохи, отличавшемся грандиозностью, пышностью, изобретательностью, вполне вписывавшемся в каноны барокко. Непременным элементом такого оформления были фейерверки и иллюминация. Если иллюминация не представляла собой ничего сложного – в темноте в определенном порядке расставлялись зажженные плашки с жиром, – то фейерверки превращались в подлинное искусство со сложным техническим оснащением и представляли собой многозначное барочное действо, приближающееся к театральному, секрет которого был позднее в значительной степени утрачен.

С помощью пиротехники, а также плоскостных и объемных декораций создавались сложные фейерверочные символические и аллегорические группы. В зависимости от замысла фейерверка эти группы сжигались вместе или поочередно. С помощью белых и цветных огней (медленно или быстро горящих) создавалось огромное количество изображений, поражавших зрителя четкостью и красотой. Искусные пиротехники и инженеры создавали не только иллюзию движения, но и движущиеся фигуры, и целые группы. Перед зрителями могли появиться движущиеся

щиеся экипажи, животные, люди, парящие в небе боги, светила, птицы. Они приводились в движение реактивной силой горящего пороха и сложной системой невидимых в темноте блоков и тросов. Сопровождаемые иллюминацией, салютом, музыкой, фейерверки эти, вероятно, представляли собой поистине сказочные зрелища. Из полной темноты внезапно появлялся сад с огненными деревьями: «великий бассейн, огненному озеру подобный, посреди которого стоит статуя, представляющая Радость и испускающая великий огненный фонтан, а вокруг бассейна – великое множество по земле бегающих ракет и других, прыгающих по всему пространству сада огней, которые своим журчанием, треском, лопаньем и стуком немалую зрителям подают утеху». Но особенно красочными были фейерверки на воде. Часто они устраивались перед Зимним дворцом на великолепной водной площади Петербурга в треугольнике между Петропавловской крепостью, Стрелкой Васильевского острова и Дворцовой набережной.

Непременными атрибутами фейерверков были аллегории и различные символы, причем именно благодаря им фейерверки помимо зрелищного, увеселительного значения несли смысловую – вернее, идеологическую нагрузку.

Фейерверк завершался грандиозным красочным салютом, часто из 31 пушки.

Публичные зрелища петровской эпохи, с их барочной символикой и эмблематикой, пользовались огромной популярностью, но они, как и другие праздничные мероприятия, были подчинены определенным идеям: утверждению могущества России, прославлению побед русского оружия, воспитанию подданных светского государства, одним словом, все они являлись удачными формами широкой пропаганды политики Петра.

При преемниках Петра традиция публичных празднеств сохранялась, но их смысловая нагрузка изменилась. Они утратили глубокий просветительский смысл, став преимущественно развлекательными зрелищами.

Завершая попытку сравнительно-исторического анализа организации триумфов и публичных празднеств петровского времени, проведем еще тематическую классификацию большей части такого рода торжеств, почти все из которых состоялись в Петербурге или в его ближайших окрестностях.

Главное место среди них занимают триумфы, связанные с многочисленными, нередко решающими победами русского оружия. Некоторые из таких побед при жизни Петра праздновались затем ежегодно (годовщины Полтавской битвы, победы при Гангуте, заключения Ништадтского мира и другие).

В тесной связи с этими празднествами находятся и торжества по случаю спуска на воду построенных военных кораблей или родственных этому событий (доставка «дедушки русского флота» в новую столицу), а также перенос мощей Александра Невского в Петербург – событие не только религиозного значения, но и подчеркивавшее преимущество военных успехов российского воинства.

Активной пропаганде новых форм общения служили многочисленные и многолюдные петровские ассамблеи и маскарады, также (по крайней мере, на первых порах) выливавшиеся в своего рода праздники.

Не забудем также и «шумства» «всешутейного собора», которые – подчас органично, а иногда внося известный дискомфорт – вплетались в орнамент основных торжеств: «шутовские» свадьбы, свадьбы карликов, также нередко вкрапленные в празднования важных событий.

Более камерный, но достаточно впечатляющий эффект давала организация свадебных торжеств членов царской семьи, празднования дней рождения, а особенно дней тезоименитств.

Нельзя не отметить и широкий размах традиционных народных праздников, унаследовавших многие черты языческого прошлого Руси.